

Зухи Августин. Испанская революция: Последний акт трагедии

1987, источник: [здесь](#)

Из книги Аугустина Сухи «Ночь над Испанией» (Augustin Souchy. Nacht über Spanien. Grafenau, 1987. S.233–254). Перевод В.Дамье

Когда Негрин и его правительство в январе 1939 года покинули Каталонию, страна оказалась в том же положении, как и 130 годами раньше при наполеоновских войнах. Народ был предоставлен сам себе. В минувшем столетии мэр маленького городка Мостолес объявил войну Наполеону. «Отечество в опасности! – провозгласил он. – Испанцы, поднимайтесь ради своего спасения!» С этого призыва к народу началась знаменитая партизанская война, завершившаяся изгнанием наполеоновских армий из Испании.

В ноябре 1936 года глава правительства Ларго Кабальеро со своими министрами покинул Мадрид и бежал в Валенсию. Мадрид был осажден фашистским врагом. Но население провозгласило: «Да здравствует Мадрид без правительства!». Пример 1809 года повторился. Народ сам начал борьбу с врагом. В обоих случаях он одержал победу.

В январе 1939 года ситуация была совсем иной. Мадрид, Новая Кастилия и часть Центральной Испании были окружены врагом. Население в франкистской Испании было запугано террором. Помощи нельзя было ждать ниоткуда. Мадрид мог вскоре умереть от голода и принужден к капитуляции. Оружью голодного вымирания противопоставить было нечего.

У республиканского военного флота в порту Картахены еще имелось много боеспособных кораблей. Но они уступали фашистскому и прежде всего итальянскому средиземноморскому флоту. Во главе республиканского флота стоял социалист-комиссар Бруно Алонсо. Среди моряков царило сильное недовольство правительством. Все низшие командиры были против Негрина, за исключением комиссаров-коммунистов.

Либертарное движение – под которым следует понимать синдикалистов и анархистов – крупнейшая сила в еще свободной части Испании, созвало общенациональную конференцию в Валенсии. На нее ложилась главная тяжесть ответственности за окруженные врагом части страны. Вместе с Негрином бежали и депутаты кортесов. Президент Республики сеньор

Асанья находился за границей. При таких обстоятельствах никому и в голову не могло придти спрашивать правительство о совете или разрешении. Либертарная конференция постановила прежде всего вначале сделать руководящим органом комитет Народного фронта. Он должен был стать организацией наподобие Хунты обороны Мадрида в ноябре 1936 года. Во-вторых, было решено отменить введенное Негрином осадное положение. Третье важное решение состояло в том, чтобы отменить введенную по приказу Негрина мобилизацию всех мужчин старше 45 лет. Нельзя было оголять поля и оружейные фабрики, лишая их рабочих рук.

Вскоре возникли трения между коммунистами-комиссарам, назначенными Негрином, и комитетом Народного фронта, возглавлявшимся Либертарным движением. Верховным комиссаром свободной зоны был коммунист Хесус Эрнандес. Он издавал распоряжения, не спрашивая мнения комитета Народного фронта. Первый же его шаг состоял в подчинении своей командной власти радио. Офицером охраны он назначил своего однопартийца Феликса Монтьеля. Одновременно он призвал население сдать оружие, чтобы то могло быть роздано лишь «подлинным антифашистам». Либертарное движение заявило, что не признает этого распоряжения, поскольку оно послужит лишь установлению диктатуры коммунистической партии над всеми другими антифашистскими силами.

Конференция еще заседала в Валенсии, как в городе появился Негрин. Он вылетел в Испанию самолетом из Франции. Либертарная конференция избрала комиссию, которая явилась к нему и вручила решения конференции. Негрин отказался признать эти решения. Он отказался и отчитаться перед представителями Народного фронта в своей политике, финансовой деятельности и катастрофическом ведении войны. Дело приобрело жесткий оборот. После ожесточенных споров произошел разрыв между ним и Либертарным движением. Негрин окружил себя исключительно открытыми или скрытыми коммунистами, хотя сам принадлежал к Социалистической партии. Он надеялся по-прежнему управлять по-диктаторски при помощи коммунистов, как он это делал в Барселоне. Но из-за потери Каталонии он лишился всякого авторитета в антифашистском движении. За него держались только коммунисты. Либертарное движение объявило, что отныне будет действовать исключительно в интересах испанского народа, не обращая больше никакого внимания на любые партийные интересы.

Это заявление сделало открытый конфликт между Негрином и его кликой, с одной стороны, и другими антифашистскими силами, с другой, неминуемым. После утраты Каталонии гражданская война для республиканцев была проиграна. Удерживать долго узкий полумесяц земли, на внешнем конце которого располагался Мадрид, и который постепенно расширялся, достигая границ в Валенсии и Мурсии, было невозможно. Чтобы это понять, не надо было быть стратегом. Это говорил любому человеку простой здравый смысл. При таких обстоятельствах речь для республиканцев могла идти лишь о скорейшем прекращении боевых действий с максимально благоприятным результатом. Франко, как и ожидалось, не ответил на предложение Негрина об амнистии и проведении референдума. Он ощущал себя победителем на поле боя и настаивал на безоговорочной капитуляции.

Любому было ясно, что Негрин – не та фигура, которая сможет добиться благоприятных условий для республиканцев. Победоносные фашисты никогда не согласились бы на

переговоры с ним. Негрин вернулся в Испанию для того, предстать перед миром в облике мужественного человека и борца-антифашиста, который готов сражаться до конца. Он выдвинул лозунг продолжения войны. Со всей очевидностью, это была страусиная политика. Коммунистическая пресса продолжала выставлять Негрина настоящей душой сопротивления испанских антифашистов. Особенно расписывал Негрина как народного героя парижский листок «Се суар», который был создан на испанские деньги и издавался Французской коммунистической партией. Это была грубая фальшивка и откровенный блеф. Негрин держал свой самолет наготове, чтобы в момент опасности смочь улететь во Францию и оказаться в безопасности. Для отъезда коммунистических вождей, руководителей низшего звена и видных членов партии также были подготовлены транспортные средства на воде и в воздухе. Для всех некоммунистических антифашистских борцов дела обстояли совершенно иначе. Им предстояло стать беспомощными жертвами мести фашистов. Х. Гарсиа Прадас, один из самых талантливых журналистов и главный редактор мадридской газеты «CNT», захватывающим образом изобразил заключительную трагедию в вышедшей в 1940 г. в Нью-Йорке книге «Предательство Сталина». Когда Негрин на своем самолете прилетел в свободную зону Испании, рассказывает Прадас, он, вместе со свитой, разместился самым комфортабельным образом в роскошном сельском доме в Эльче, провинция Аликанте[1]. Хотя все его министерство прибыло с ним, в одном доме с ним разместились только самые доверенные: министр Альварес дель Вайо, принадлежавший к той же раскольнической группировке социалистов, что и шеф, и коммунистический министр Висенте Урибе. Остальные министры должны были размещаться в Мадриде или иных отдаленных местах. Резиденция Негрина охранялась 500 коммунистическими милиционерами, вооруженными ручными гранатами и пулеметами. Это была лейб-гвардия премьер-министра и его доверенных лиц. Внутри резиденции ничто не указывало на то, что это – резиденция правительства. Здесь не было бюро, и никаких правительственных дел не решалось. Все скорее производило впечатление веселой компании охотников. Поскольку в местности водилось множество фазанов, эта дичь ежедневно появлялась на обеденном столе премьера. Разливались лучшие вина; в ликерах и гаванских сигарах не было недостатка, и даже от отсутствия красивых женщин присутствовавшие не страдали.

Другие министры жили в гостиницах. Они редко видели Негрина, и их ни о чем не информировали. Заседания совета министров не проводились. Синдикалистский министр Сегундо Бланко отправился в Мадрид, чтобы доложить своей организации о целях и намерениях Негрина. Он рассказал, что Негрин и правительство приехали в Мадрид не для того, чтобы продолжать войну, потому что и они считали ее проигранной. Речь для них шла лишь о том, чтобы «спасти духовные и материальные ценности антифашизма». Социалисты, коммунисты и члены Республиканской партии уже готовят спасение своих товарищей из осажденной зоны. Синдикалистам и анархистам стоит позаботиться о том, чтобы перевести в безопасное место всех товарищей, которые оказываются под угрозой. Нужно составить списки лиц, которым должны быть выданы паспорта. Правительство Негрина вот уже несколько месяцев пытается начать мирные переговоры с Франко, но тот отверг любые переговоры о мире. После потери Каталонии спасения для республиканцев больше нет. Россия тоже больше не продает оружия правительству Негрина. Государственная внешнеторговая компания «Кампса-Гентибус», которая занималась закупкой оружия, расформирована. Испанскому посланнику в Лондоне было поручено начать переговоры с Франко при посредничестве британского министра иностранных дел. Лорд Галифакс

должен обставить дело так, чтобы Франко не узнал, что инициатива исходит от правительства Негрина.

Этот отчет соответствовал фактам. Через несколько дней государственная типография в Мадриде получила заказ на печать 60 тысяч формуляров паспорта. Тысячи антифашистов надеялись, что им будет предоставлена возможность покинуть страну. Каждый хотел избежать судьбы, которая его ожидала в руках фашистов. Однако Негрин распорядился, что действительными будут лишь паспорта, подписанные им лично. Даже министр юстиции Паулино Гомес, член социалистической партии, не имел права подписывать паспорт.

Тем временем Франко сумел перегруппировать свои силы. Начались новые налеты на Мадрид. Это было воспринято как признак предстоящего наступления. Население испытывало огромное беспокойство. Никто не знал, когда и как настанет конец. Но все были убеждены, что такое неопределенное положение не может продлиться долго.

Таково было положение дел, когда Негрин пригласил к себе для обсуждения в Альбасете командующих республиканскими вооруженными силами. Начальник генерального штаба генерал Матальяна сделал доклад о военной ситуации. Она была отчаянной. У республиканцев было 800 орудий различного калибра, многие из которых были в плохом состоянии. У них было 75 самолетов различного производства, но большинство из них не были приспособлены для выполнения боевых задач. Винтовок оставалось не более 350 тысяч. Нехватка пулеметов и мортир была катастрофической. Продуктов питания в портах для гражданского населения и военнослужащих оставалось всего на 2 недели. К этому добавлялась нехватка транспортных средств. После потери Каталонии больше не было автомобильных шин. В самой армии боевой дух иссяк совершенно. Ежедневно тысячи людей перебежали к врагу.

Напротив, у Франко было свыше 700 бомбардировщиков и десятикратное превосходство по всем видам оружия. Его флот легко мог, при помощи итальянцев, блокировать республиканские порты. При этих условиях продолжение войны означало бы бессмысленное самоубийство.

Другие офицеры разделяли мнение начальника генштаба. Только Миаха был за продолжение войны. Полковник Касадо ответил ему, что те командиры, которые выступают за продолжение войны, но предусмотрительно отправили свои семьи во Францию, должны вернуть своих жен и детей обратно, чтобы доказать тем самым свою искренность. После этого призыва воцарилось молчание. Миаха тоже отправил свою семью во Францию.

Негрин молча принял доклад военачальников к сведению. Генералы ожидали от премьер-министра решающего заявления. Они надеялись, что он уйдет в отставку и предложит формирование хунты для обороны или переговоров, которая была бы в состоянии закончить войну. Но ничего подобного не произошло. Негрин заявил, что он уже несколько раз предлагал Франко мирные переговоры, но всегда тщетно. Отказ фашистов заставляет Республику продолжать борьбу. Генералы сочли позицию Негрина несовместимой с жизненными интересами испанского народа. Но никто не посмел возражать. Они вернулись на свои посты. Их обсуждение с Советом министров не оказало никакого влияния на ход

событий.

Требование Негрина о «сопротивлении до последнего» имело особую материальную подоплеку. Следовало спасти важнейшие документы, вывезти из страны сокровища огромной ценности, эвакуировать агентов ГПУ, спасти высшие руководящие кадры коммунистов, перевести в безопасное место суда, военные материалы и самолеты. Война должна была закончиться с прибылью для правительства.

Чтобы иметь возможность решить эту задачу, Негрину было необходимо сохранить политическую власть в своих руках. Политическая власть должна была позволить ему контролировать имеющиеся транспортные средства и не дать другим антифашистским организациям реквизировать грузовики, автомашины корабли для собственного спасения. Политика сопротивления должна была стать прикрытием для организации бегства коммунистов и клики Негрина. Пока войскам в окопах предстояло сносить атаки превосходящего врага, политики сопротивления могли организовать собственное бегство. Драгоценные жизни политиков должны были быть спасены телами бойцов. Коммунистической партии авторитет премьер-министра Негрина казался уже недостаточно сильным для того, положиться только на него. Она готовилась к грядущим событиям. Русское оружие, которым владела партийная организация, должно было послужить защите компартии и сторонников Негрина не только от фашистов, но и от недовольных элементов в лагере антифашизма. Партия развернула лихорадочную деятельность. Мадридское окружное руководство компартии заседало непрерывно, места заседаний постоянно менялись. Дети в возрасте 10-12 лет посылались на улицы клеить плакаты. Это были призывы партии к сопротивлению и продолжению войны. Коммунистические военные командиры были созваны в Мадрид на тайные совещания. Партийные функционеры посещали участки фронта, чтобы дать инструкции. В особых циркулярах к коммунистическим военным командирам партийное руководство указывало на то, что со стороны Верховного командования и Генштаба Центральной Испании следует опасаться отказа исполнять распоряжения Негрина. Коммунистические военные командиры должны были ставить указания партии выше приказов армейского руководства. Эта деятельность служила указанием на то, что коммунисты ведут подготовку к установлению диктатуры во главе с Негрином. В одном из циркуляров говорилось о необходимости разгромить анархистов, поскольку они были единственной организацией, имевшей силу противостоять распоряжениям Негрина и коммунистов.

Коммунистическая пресса Мадрида открыто заявляла, что в данной критической ситуации необходима диктатура. За этой подготовкой последовали и первые действия. Аэродром Лас-Льянос под Альбасете был занят подразделением коммунистических солдат. Общая ситуация становилась все более темной. Содержавшийся в Мадридской тюрьме сторонник Франко Мануэль Вальдес вел переговоры с представителем Красного креста Рамоном Рубио, причем открыто характеризовал себя как представитель Франко. Генералы из Верховного командования были убеждены, что лозунг Негрина о «Сопротивления до последнего» неискренен. Им было известно, что Негрин предпринял подготовительные меры к тому, чтобы вывести себя самого и несколько десятков своих самых верных приверженцев на самолетах, а сотни коммунистов – морским путем. Сами же они и остальные антифашисты должны были быть принесены в жертву ради славы правительства сопротивления. Но

антифашисты не хотели, чтобы их использовали как орудие, и бессмысленно принесли в жертву. Ответственные функционеры и служащие толпами бежали из Мадрида. Среди них были партийные функционеры, журналисты и пропагандисты, которые всего за несколько дней до этого призывали в газетах и по радио сопротивляться до последнего. Снабжение Мадрида продуктами питания становилось все хуже. Из еды оставалась только чечевица, которую мадридцы с юмором висельников прозвали «пилюлями сопротивления от доктора Негрина».

В этой ситуации анархисты и синдикалисты, или Либертарное движение, которое в Центральной Испании часто называли просто «конфедератами», не сидели, сложа руки. В середине февраля они провели конгресс в Мадриде, на котором присутствовали 250 делегатов со всей еще свободной зоны Республики. Конгресс постановил создать Конфедеральный комитет обороны. Он должен был охватывать военную организацию, политическую полицию, экономический контрольный комитет, комитет по транспорту и различные специализированные комитеты из ученых и техников, а также особую информационную службу.

Конференция обратилась к населению с призывом. В нем Либертарное движение и военные подразделения Конфедерации заявляли о намерении спасти «антифашистскую честь», о которой так часто разглагольствовал Негрин. В воззвании цитировались слова Негрина: «Или мы все погибнем, или все спасемся», и в связи с этим замечалось, что анархисты позаботятся о том, чтобы те, кто так часто произносил эти слова, их сами сдержали. Воззвание привело Негрина и его окружение в замешательство. Негрин знал, что конфедераты готовы сорвать его планы и в состоянии это сделать. Тогда он решил опередить своих противников. Между Негрином и коммунистами, с одной стороны, и Либертарным движением, с другой, началось состязание во времени. На стороне Негрина стоял государственный аппарат, Либертарное движение опиралось на свои конфедеральные военные подразделения и на рабочий люд. Кроме того, следовало ожидать, что в случае серьезных столкновений большая часть генералов и высших военных командиров встанет на сторону анархистов. Конфедераты, или анархо-синдикалисты не занимали официальных постов в правительстве или армейском руководстве, но пользовались любовью среди населения Мадрида. Во главе их Комитета обороны стоял худощавый 35-летний мадридец Эдуардо Валь, который еще при монархии руководил тайной анархистской организацией обороны. Валь высоко ценили за осмотрительность, организационный талант, молчаливое спокойствие, с каким он готовил свои планы, и хладнокровие, с которым он их осуществлял. В Мадриде тогда спорили, кого сильнее покарает Франко, когда войдет в город: Валь или генерала Миаху. «Генерала присудят к трем грошам денежного штрафа, а Валь – повесят», – острили мадридцы в кафе. Валь сыграл выдающуюся роль в обороне Мадрида в ноябре 1936 года. И на сей раз он держал в своих руках все организационные нити. Политические планы, проекты, воззвания и памятные записки разрабатывал и писал Гарсиа Прадас. Прадас, один из самых талантливых журналистов Мадрида, в издававшейся им ежедневной утренней газете конфедератов «CNT» задавал тон в острых злободневных вопросах. Миаха говорил, что никто так основательно не промывал ему кости, как молодой Прадас, не выставя его при этом на посмешище. Небольшого роста, худой, но живой и энергичный, к тому же духовно богатый и образованный, Прадас суверенно владел политической ситуацией, извлекал

уроки из прошлого и формулировал перспективы на будущее. Когда во время одного из обсуждений с Миахой генерал стал выговаривать молодому журналисту за вечные подколки, Прадас ответил ему, что Миаха является спасителем Мадрида в той же степени, что и тот гренадер, который в порту Хихона спас тонувшего ребенка, потому что некий увалень натолкнул его в воде на малыша. Настоящий спаситель Мадрида – это увалень «народ», который и натолкнул Миаху. Лучше всего в этой истории то, что Миаха добродушно рассказывал друзьям об этом метком сравнении. Наиболее заметной силой конфедератов был каменщик Сиприано Мера. Его жизненный путь походил на путь штукатура и премьер-министра Ларго Кабальеро. Ребенок из мадридской пролетарской семьи, Мера никогда не ходил в школу. Читать и писать он научился самостоятельно, и с железной энергией расширял свои знания, посещая народные университеты и лекции. Он рано принял анархизм и уже в юности стал лидером профсоюза строительных рабочих. Мера подвергался многочисленным преследованиям. Когда Франко начал свой путч в июле 1936 года, Мера сидел в тюрьме в Мадриде, где отбывал длительное заключение как ответственный за столкновения с полицией во время забастовки строителей. Рабочие освободили его из застенка и поставили во главе боевого соединения Конфедерации. Когда позднее создавалась Народная армия, Мера, как глава руководимой им части, разросшейся к тому времени в дивизию боевых частей Конфедерации, стал одним из ее командиров, имея ранг генерала. Именно он выиграл битву республиканцев с фашистами. Его победа над итальянскими частями в Гвадалахаре стала одной из крупнейших военных побед республиканской армии. Поскольку Мера не был коммунистом, зарубежная пресса не курила ему фимиам. Умение быстро схватывать на лету и острый ум позволяли ему в ходе совещаний с военными специалистами ухватить главное, а энергия помогала находить в нужный момент необходимые решения.

Такие специалисты, как техник Мануэль Сальгадо, эксперт по транспорту Гонсалес Марин и целый ряд испытанных борцов из анархистских групп и синдикалистских профсоюзов дополняли эту группу людей, которые осмелились бросить вызов диктатуре Негрина и организовать оборону против государственного переворота, подготавливаемого Негрином и коммунистами.

Либертарный конгресс поручил комитету обороны разработать программу по распутыванию ситуации. Проект был разработан Гарсиа Прадасом. Он предусматривал такую же организацию, какую имела Хунта обороны в ноябре 1936 г. Негрин должен был передать исполнительную власть Хунте обороны. Достижение почетных условий мира или же организация сопротивления в случае провала переговоров с Франко не должны были быть предоставлены одной-единственной партии. Это должно было быть делом Хунты, в которой были бы представлены все антифашистские партии и организации. Испанская республика, говорилось в проекте программы, перестала существовать, поскольку кортесы больше не собираются, а президент Асанья, находясь за границей, ушел со своего поста. Многие страны, включая даже Англию и Францию, признали Франко де-факто. В руках Франко находится большая часть испанской территории. Правительство Негрина проиграло войну. Поскольку премьер-министр отказывается дать антифашистским организациям, ныне представляющим народ, отчет в своих действиях, а его лозунг сопротивления до последнего момента вопиюще противоречит тем фактам, что он распорядился выдать заграничные паспорта тысячам своих сторонников, организовал вывоз национального

достояния и подготовил все для бегства себя лично и своих министров, он не может более признаваться народом в качестве премьер-министра. Анархо-синдикалистские делегаты предложили эту программу всем партиям Народного фронта для обсуждения и возможного принятия. Она была признана всеми партиями, социалистическим профцентром ВСТ и даже Социалистической рабочей партией, к которой принадлежал сам Негрин. Даже ветеран испанского социализма профессор Хуан Бестейро заявил о своем согласии с программой. Только коммунистическая партия этого не сделала. Ее мадридские лидеры Артуро Хименес и Исидоро Диегес попросили времени на размышление. Как позднее выяснилось, они сообщили о плане Негрину.

Программа была принята и командующими вооруженными силами. Исключение составило лишь некоторое количество коммунистических командиров. Однако среди коммунистических офицеров было немало таких, кто вступил в партию против воли или не зная ее истинного характера. Одним из них был генерал Миаха. В начале войны он позволил всучить себе партийный членский билет, но отнюдь не стал убежденным коммунистом. Теперь и он принял программу конфедератов. Тем самым он порвал с коммунистами.

Комендант Мадрида, полковник Сихисмундо Касадо был первым из офицеров высокого ранга, кто с воодушевлением согласился с программой. Он обладал большим влиянием среди профессиональных офицеров и взял на себя задачу привлечь коллег на свою сторону. Касадо был известен своими республиканскими настроениями. С самого начала путча Франко он без колебаний встал на сторону Республики. Он обладал честным характером и хорошими военными знаниями. Его согласие с планом повышало шансы на успех.

Негрин был поставлен своими коммунистическими сотрудниками в известность о программе и подготовке к ее осуществлению. Он решил с помощью быстрых действий сорвать план. Он мог это сделать только с помощью государственного переворота или «холодного путча». Осуществить таковой, пока он еще оставался у власти, ему было нетрудно. Его намерение состояло в том, чтобы заполнить все высокие командные посты в армии исключительно верными ему коммунистами. Поскольку у него не было достаточно числа военных специалистов, он призвал на ответственные командные посты военных профанов. Среди его новых людей фигурировали, разумеется, имена Листера и даже Модесто – оба не были профессиональными военными, зато были коммунистами, верными генеральной линии. Предстоящее назначение Модесто, бездарного главнокомандующего южнокаталонскими армиями, вызвало особое возмущение со стороны военных специалистов. Миаха был потрясен безответственным поступком Негрина. Но когда Негрин направил его и главнокомандующего всеми вооруженными силами Центральной Испании генерала Матальяну в Валенсию, чтобы те не могли вмешаться при оглашении государственного переворота в Мадриде, его представление о военной дисциплине не позволило ему отказать в повиновении. Оба генерала были в решающие дни отстранены от дел в Валенсии. Негрин объявил о том, что 6 марта выпустит прокламацию. Комитет обороны конфедератов сделал все, чтобы предотвратить установление диктатуры. 4 марта в отделениях синдикалистских профсоюзов и анархистских клубах всех округов Мадрида были стянуты войска. Но с фронта, начинавшегося всего в 500 метрах на окраинах города, не было снято ни одного человека. В известность о плане были поставлены вооруженные силы конфедератов в Андалусии, Эстремадуре и Леванте. Находившийся под командованием Сипирано Меры 4-й

армейский корпус со штаб-квартирой в Гвадалахаре, который стоял в горах Харама, был готов, в случае необходимости, направить в Мадрид несколько подразделений для поддержки операции. 5 марта Негрин потребовал от коменданта Мадрида полковника Касадо, которому он незадолго до этого присвоил генеральский чин, прибыть к нему на совещание в Эльче. Касадо не подчинился вызову и остался в Мадриде. В тот же день в бюллетене министерства обороны были опубликованы новые назначения. Касадо был снят со своего поста коменданта Мадрида и заменен Модесто. Увидеть организатора поражения на каталонском Восточном фронте во главе своей обороны – это было невыносимо для гордого Мадрида. Если бы Модесто рискнул занять свой новый пост, возможно, восстание вспыхнуло бы и без всякой подготовки со стороны анархо-синдикалистов.

В Катрахене негриновская попытка государственного переворота привела к трагедии. Премьер-министр планировал осуществить перестановку на командных постах в этом порту, служившем базой средиземноморского флота. Его собственный однопартиец комиссар-социалист Бруно Алонсо и адмирал Берналь должны были быть смещены и заменены коммунистом Галаном. Галан прибыл в Картахену с большим количеством коммунистических войск и потребовал от главнокомандующего адмирала Берналя сдать ему командование. Берналь даже не был проинформирован о своем смещении. Он связался по телефону с премьер-министром. Негрин подтвердил ему, что тот действительно смещен. Офицеры и команды кораблей, в большинстве своем, социалисты и анархисты, не были согласны со смещением своего командующего, которому они доверяли. Они заявили, что не намерены терпеть этот акт произвола. Чтобы избежать обстрела своих кораблей береговыми батареями, они снялись с якоря и вышли в море. Их опасения оказались необоснованными. Офицеры и артиллерийские расчеты батарей встали на сторону своего прежнего главнокомандующего Берналя и комиссара Бруно Алонсо. Но они не могли связаться с кораблями. К тому же коммунисты распространили слух о том, что они ожидают вскоре крупных подкреплений, чтобы подавить восстание.

Этим смятением воспользовалась франкистская «пятая колонна». Вооруженные группы фашистов захватили радиостанцию. Их представитель запросил по радио помощи у франкистских портов Сеуты, Кадиса и Мальорки. Он объявил, что все восстания в Картахене носят фашистский характер. Это было искажение фактов. Вскоре после этого фашисты были снова выбиты с радиостанции. Но их призыв имел успех: итальянская авиационная эскадрилья облетела город и угрожала вмешаться в боевые действия. Происходили уличные бои между фашистами и республиканцами, в ходе которых множество антифашистов погибло. На кораблях не знали, чем кончатся бои в городе. Команды и офицеры приняли решение не возвращаться в Картахену. Они взяли курс на Бизерту, французский порт в Северной Африке, где они позволили интернировать суда и отдать их под покровительство Франции. Тем самым республиканский военно-морской флот оказался потерянным.

В Мадриде Комитет обороны конфедератов постановил претворить свой план в жизнь, прежде чем назначенные Негрином командиры заступят на свои посты. В ночь с 5 на 6 марта милиционеры конфедератов заняли все общественные здания, включая радиостанции, находившиеся в руках сталинистов. Коммунисты были не в состоянии оказать сопротивление. Главное командование Мадрида во главе с Касадо расположилось в бункере министерства финансов. Касадо не покидал своего места. Через несколько часов

после занятия радиостанций здесь собрались представители партий Народного фронта и анархо-синдикалистские организаторы выступления. Среди них был и старый лидер социалистов, профессор Хулиан Бестейро. Было решено принять проект, предложенный Прадасом. Была образована Хунта национальной обороны, в качестве ее председателя был предложен генерал Миаха. Миаха находился в Валенсии, но по телефону выразил свое согласие и заявил, что незамедлительно прибудет в Мадрид. Комиссаром по иностранным делам был назначен профессор Бестейро, имевший за рубежом авторитет как юрист. Оборону взял на себя Касадо, финансы, сельское хозяйство, промышленность, транспорт и общественные работы – анархо-синдикалисты Гонсалес Марин и Эдуардо Валь.

Как старший по возрасту член Хунты обороны, Бестейро объявил о ее формировании по радио. Утром 6 марта печать всего мира опубликовала сообщения о событиях в осажденном Мадриде и о создании Хунты. Полковник Касадо, анархист Мера и левый республиканец Сан-Андрес выступили с обращениями к испанскому народу.

В программе Хунты обороны говорилось: «Как революционеры, пролетарии, антифашисты и испанцы, мы не можем больше терпеть недальновидность, всеобщую растерянность и безответственность правительства. Несколько недель назад война в Каталонии закончилась всеобщим крахом. С тех пор народу делались большие обещания, давались торжественные заверения, которые оказались блефом. Пока безвестные сыны народа тысячами приносились в жертву на полях сражений, многочисленные вожди, заставлявшие славить себя как выдающихся героев, покинули свои посты и бесславно спасали свои шкуры. С тем, чтобы предотвратить продолжение этого позора и дезертирство в ожидающие нас тяжелые времена, образовался Комитет национальной обороны. Комитет гарантирует всем рабочим, антифашистам и испанцам, что никто не сможет уклониться от выполнения своего долга и от лежащей на нем ответственности. Комитет приложит усилия с тем, чтобы предотвратить гибель, и готов идти общим путем со всеми испанцами. Мы не дезертируем и не потерпим дезертирства. Никто, чей долг остаться здесь, не должен покинуть Испанию. Если же в последний момент не останется иного выхода, то смочь выехать должен каждый, кто этого пожелает.

Комитет поставил перед собой задачу продолжать сопротивление, ибо великое дело полной крови и жертв антифашистской борьбы не должно испытать бесславный и позорный конец. Чтобы выполнить эту задачу, мы нуждаемся в сотрудничестве всех испанцев. Пусть каждый остается на своем посту. Мы претворим в действительность лозунг доктора Негрина: «Или мы все спасемся, или все погибнем»». Едва лишь была оглашена эта прокламация, как позвонил Негрин из Эльче. Он хотел говорить с Касадо. Вот как протекал разговор[2]:

– Здесь премьер-министр Негрин.

– Здесь полковник Касадо.

– Я только что слышал по радио манифест. Что вы задумали? Это же невозможно! Что там у вас происходит?

– Все совершенно ясно. То, что вы слышали, соответствует действительности, – ответил Касадо и добавил: – Мы защищаемся и обороняемся от начатого вами государственного переворота.

– Но дело же можно уладить по-хорошему.

- Все уже улажено, особенно для вас. Нашлись люди, которые вас сместили.
- Но позвольте же... Правительство готово...
- Я ничего не позволю. Вашего правительства больше не существует. Комитет национальной обороны является уполномоченным органом Республики.
- Я предостерегаю вас. Мы сильны и...
- Берегитесь. Власть представляем мы.
- Но господин генерал, послушайте же...
- Пожалуйста, я полковник.
- Но это не может так оставаться. Мы можем уладить дело, так, что правительство передаст власть Комитету национальной обороны.
- Правительства больше нет, и оно не может передавать власть. У вас есть лишь тяжкая вина и тяжелая ответственность.
- Ну и что же теперь будет?
- Это не ваша забота. Я только требую от вас освободить генерала Матальяну.
- Не беспокойтесь об этом».

Касадо повесил трубку.

В ту же ночь Негрин со своими доверенными людьми по воздуху покинул Испанию и направился во Францию. Несколькими днями позже Социалистическая партия Мадрида исключила его из партии. Конец блефового правительства доктора Негрина, Кремлевского марионетки, был бесславным.

Вскоре после этого в Мадрид из Валенсии прибыл генерал Миаха, который принял обязанности председателя Хунты обороны. Его разрыв с коммунистами был окончательным.

В последующие дни в Мадриде вначале сохранялось спокойствие. Но вскоре коммунисты оправились от шока. Они выступили против Хунты обороны и оказали ей вооруженное сопротивление. Они извлекли своих сторонников и коммунистические воинские части из окопов на окраинах. Они готовились штурмовать бункер, в котором размещалась Хунта. Попытка была сведена на нет мерами, предпринятыми конфедератами. Мадрид тем временем превратился в новое поле боев, теперь уже внутренних. Коммунисты построили в центре города баррикады, окружили свои окружные отделения окопами и укрепили окна своих бюро мешками, полными рисом, кофе и заполненных консервных банок. На свет всплыли продовольственные запасы, которых давно уже не видело мадридское население. Особенно хорошо обеспеченным оказалось бюро, в котором размещалась лидер коммунистов Пассионария.

Хунта обороны была вынуждена начать борьбу с коммунистическими баррикадами. Но снять части с фронта - такой ответственности Хунта на себя взять не хотела. Силы конфедератов бросились в пролом, чтобы подавить коммунистическое восстание. Возникла странная ситуация. В то время, как в полукилометре от города республиканскому Мадриду противостояли фашистские войска, которые в любой момент могли бросить свежие части против изнуренного республиканского населения, внутри города шла кровавая братоубийственная борьба между самими антифашистами. Коммунисты восстали против Хунты обороны. Анархисты схватились с коммунистами, потому что больше не желали

терпеть диктатуру сторонников Москвы. Синдикалистские профсоюзы и анархистские группы организовали ударные отряды против коммунистических баррикад. Они брали штурмом один бастион коммунистов за другим. Конфедераты, которые до этого выжили в боях против фашистов, гибли, штурмуя баррикады, от пуль приверженцев Сталина, превращенных Кремлем в фанатиков. Баррикадные бои продолжались с 6 по 13 марта. Они закончились полным поражением коммунистов. Исход борьбы продемонстрировал, что коммунизм в Испании, несмотря на огромную помощь и поставки оружия со стороны Советского Союза, остался меньшинством. Даже в своем оплоте – Мадриде, где коммунисты привлекли к себе профсоюзных функционеров социалистического профобъединения, коммунизм оказался не в состоянии победить анархистов и синдикалистов.

Подавление коммунистического мятежа истощало последние силы антифашизма и, несмотря на победу Хунты над приверженцами Сталина, ускорила процесс разложения среди республиканцев. Коммунистические командиры во время уличных боев бросили свои посты в траншеях на произвол судьбы, чтобы помочь своим единомышленникам в борьбе против Хунты и конфедератов. Войска были предоставлены сами себе. Они воспользовались возможностью избежать наказания, перейдя к врагу. В течение нескольких дней прекратили свое существование целые участки фронта. Угроза краха мадридского фронта с каждым днем становилась все ближе. Распад воинских частей означал практически прекращение боевых действий и гражданской войны.

Продовольственная ситуация в Мадриде была катастрофической. Транспортных средств практически не было. Приходилось снабжать гражданское население остатками армейских запасов. Хунта делегировала социалиста Трифона Гомеса в Париж, чтобы добиться от Негрина передачи уже закупленного им продовольствия и закупить новые продукты питания. От Негрина получить не удалось ничего. Поскольку он не был больше у власти, то, очевидно, потерял всякий интерес к своему народу.

Мадрид был похож на людское море в воронке гигантского водоворота. Тот, кто был наверху, хотел перепрыгнуть через край; того, кто был внизу, смывало в глубину. Население устало от вечной борьбы. Уличные бои против взбунтовавшихся коммунистов сломили последние остатки силы к сопротивлению. Люди хотели, наконец, освобождения от страха и нужды, лишений и опасностей бомбежек. Мир был горячим желанием, переполнявшим все сердца. Население ожидало, что Комитет национальной обороны приступит к необходимым шагам с целью мирных переговоров. Хунта и конфедераты проявили великодушие по отношению к побежденным коммунистам. Из немногих оставшихся транспортных средств они предоставили в распоряжение коммунистов грузовики для эвакуации к побережью, чтобы затем покинуть Испанию по морю. Оставшиеся коммунисты были в полной растерянности. Брошенные верхами своего партийного руководства на произвол судьбы, они не знали, какую позицию им занять. Хунта оставила на свободе всех коммунистов, не участвовавших непосредственно в боях с оружием в руках. Бюро компартии не были закрыты. Окружное правление коммунистической партии выпустило листовку, в которой тоже высказывалось за мир. В этой листовке, которая раздавалась в Мадриде 14 марта, говорилось: «Мы тоже не хотим вести борьбу с Комитетом национальной обороны» (После того, как они на протяжении недели пытались свергнуть этот комитет при помощи пулеметов и пушек!). Далее в листовке говорилось: «И мы, коммунисты, горячо жаждем

мира» (Иначе в тот момент с мадридским населением уже нельзя было разговаривать).

Население ожидало от Хунты обороны шагов к мирным переговорам. Во время уличных боев в Мадриде Франко не вмешивался. Он предоставил своим противникам растерзать друг друга. Ему больше не нужно было жертвовать людьми и тратить порох. Он был прекрасно информирован о настроении населения в республиканской зоне. Он выжидал. Окончательное прекращение гражданской войны было вопросом нескольких дней.

Хунте обороны выпала ответственность приступить к мирным переговорам. 20 марта Комитет направил Франко официальное предложение мира. Фашисты потребовали безоговорочной капитуляции. Комитет обороны направил самолетом двух представителей в Бургос, где заседало правительство Франко. Франко сформулировал условия покорности в 8 пунктах. Комитет обороны выдвинул контрпредложения, и начались переговоры. После нескольких часов Франко распорядился прервать переговоры. Стало известно, что он получил от своих покровителей Муссолини и Гитлера указания не идти ни на какие уступки республиканцам. Переговорщики вылетели обратно в Мадрид. Франко не был готов предоставить республиканцам свободный отход. Он отказался также гарантировать жизнь и свободу видным антифашистам. Принятие условий Франко означало бы для Хунты обороны отречение от самих себя. Франко потребовал, чтобы все борцы-антифашисты сдались на милость или немилость победителя. В таких обстоятельствах Комитет обороны Конфедерации принял решение продолжать борьбу. Это решение было сообщено Комитету национальной обороны, то есть, Хунте. Люди готовились к последнему бою. Либертарное движение созвало конференцию на 27 марта. На нее явились представители со всей республиканской зоны – насколько это позволяло наличие транспортных средств. На конференции было решено предпринять последние усилия. С помощью еще имевшихся самолетов, над франкистской зоной должны были быть сброшены миллионы листовок с призывом к восстанию против Франко. Анархисты заявили о своей готовности выставить партизанскую армию в 10 тысяч человек и рассредоточить ее в горах по всей стране. Борьба должна была продолжаться по старой испанской традиции, как «герилья», то есть, партизанская война.

Эти решения остались неосуществимыми планами. Фронт распался. В траншеях под Мадридом происходило братание между республиканскими и фашистскими солдатами. Уже почти 2 года большинство солдат с обеих сторон состояло из призывников, которых всеобщие мобилизации заставили стать солдатами. Солдаты выходили из своих блиндажей, обнимались, называли друг друга «красными» и «фашистскими» товарищами и рука об руку шли в мадридские пивнушки, чтобы за стаканом вина отпраздновать прекращение войны. 26 и 27 марта в Мадриде был слышен только один лозунг: «Война окончена, товарищи!»

Перед лицом такого всеобщего состояния умов, у Комитета национальной обороны больше не было возможности организовать сопротивление. Мирные переговоры были прерваны Франко, переговорщики возвратились в Мадрид. Оставалось только провести эвакуацию. Во время уличных боев с коммунистами неизвестные лица открыли двери мадридских тюрем и освободили заключенных фашистов. Комитет национальной обороны распорядился арестовать некоторое число коммунистов, которые во время боев вели себя по методам ГПУ и несли ответственность за расстрелы пленных. Теперь и эти заключенные были

освобождены. Им даже дали возможность попасть на побережье.

В последующие дни все большее число функционеров всех партий и профсоюзов покидали Мадрид и направлялись к морю. Война была окончательно проиграна. Членам Хунты обороны следовало подумать о собственной безопасности. Они покинули Мадрид 29 марта. Следующей ночью фашисты пошли в наступление. На следующий день Франко торжественно вступил в Мадрид.

Не все антифашисты смогли или пожелали покинуть Мадрид. Престарелый профессор университета Бестейро остался, попал в плен и был приговорен к 30 годам тюрьмы. Он умер в заключении. Анархисты Мельчор Бастан, Мануэль Амин, социалистический гражданский губернатор Мадрида Хавьер Буэно и полковник Ортега были расстреляны победителями сразу же после взятия города. Старик-генерал Арангуэн, честный республиканец, отказался искать спасения в бегстве. «Быть расстрелянным Франко – это последняя служба, которую я могу сослужить моей стране и моему народу» – таковы были его последние слова, с которыми он с честью пал под пулями расстрельной команды.

Романтической смерти в духе символической фигуры Дон-Кихота искал мадридский пекарь Мауро Бахатьерра. И нашел ее. В ранней юности на него оказал влияние пример жизни анархиста Фермина Сальвочеа – «андалусийского Христа». Он много читал и принадлежал к тому молодому поколению Испании, которое на рубеже веков увидело в анархизме воплощение высших идеалов человечества. Его любимым автором был Лев Толстой. Он был вегетарианцем и стремился к ненасилию.

Когда разразилась гражданская война, Бахатьерре было за пятьдесят. Он немедленно записался в конфедеральную милицию. Умелым пером он писал военные репортажи в вечернюю мадридскую анархистскую газету «Кастилья либре». Некоторые из его репортажей были маленькими шедеврами, которые издавались в форме книг и находили широкое распространение в республиканской Испании. После начала гражданской войны я встретил Бахатьеру в рабочем кабинете руководителя подразделений конфедерации Эдуардо Валь. Стоял дождливый осенний вечер. Незадолго до этого – дело происходило в ноябре 1936 года – правительство Кабальеро покинуло Мадрид. Бахатьерра спасся из Сигуэнсы, города в горах Харама, за несколько дней до этого взятого фашистами. За его коренастой фигурой со свисавшими вниз усами, винтовкой через плечо и пистолетом с патронташем за поясом, скрывалось доброе сердце. Он сообщил нам, что несколько сотен его товарищей были запеты фашистами в церковном здании и самым жестоким образом расстреляны. На глазах у него стояли слезы. Валь встал, положил руку на плечо Бахатьерре и вымолвил лишь «Мауро», глядя ему глубоко в глаза. Это должно было служить утешением, хотя Валь и сам был глубоко потрясен катастрофой и потерей стольких товарищей. В подавленном настроении мы покинули комнату. Год спустя дела снова привели меня в Мадрид. После того, как я выступил по радио с речью против Гитлера и Франко, многие командиры милиции просили меня посетить их и их товарищей в траншеях. Мауро Бахатьерра был нашим проводником. Мы вступили на ничейную землю на окраинах города. Улицы были пусты, дома как вымерли. «Идите за мной, – сказал Мауро, – я плохо слышу и не услышу выстрелов. Моя широкая спина послужит вам защитой». Мы счастливо перебрались на другую сторону. Вражеские окопы были всего в 100 метрах от наших. Один

франкистский солдат высунул голову над своим блиндажом. Милиционер хотел уже в него выстрелить. «Ах, да оставь ты его, – сказал Мауро, положив руку на локоть стрелка. – Это наверняка какой-нибудь принудительно мобилизованный из Севильи, который, возможно, ненавидит Франко так же, как и мы. А дома его ждет мать».

Когда фашисты парадом вступили в Мадрид, Мауро Бахатьерра встал у оконной занавески в своей квартире и открыл огонь по маршировавшим мимо офицерам. Дом был окружен, Мауро схвачен и расстрелян на месте. Это было именно то, чего он хотел. Жизнь для него утратила цену. Мадрид в фашистских руках! Для него это был конец. Вместе с Мауро Бахатьеррой погибла свободная Испания. Маршевая поступь международного фашизма гремела на улицах кастильской столицы. По всей Центральной Испании тянулись бегущие людские массы, стремившиеся к побережью. Французская судоходная компания «Мид-Атлантик» обещала предоставить суда для эвакуации. Людской поток устремился в направлении Валенсии. Но суда не пришли. Было объявлено, что под Аликанте, с согласия итальянских легионов, должна быть устроена нейтральная зона для беженцев. Около 8 тысяч антифашистов, с женщинами и детьми, направились в Аликанте. Квакуеры и Международный комитет помощи республиканской Испании снабдили беженцев самым необходимым. Обе организации заверяли, что в Аликанте на якоре будут стоять суда. Беженцы должны были покинуть Испанию под защитой французского флага.

Суда не пришли. Зато подошла итальянская моторизованная дивизия Литтори. Итальянцы получили приказ от Муссолини «очистить побережье от врага». На беженцев были наведены пулеметы. В течение 2 часов должна была осуществиться безусловная сдача и передача оружия. Французский консул и представитель Международного комитета помощи подтвердили свои заверения, что корабли уже в пути. Беженцы сдали свое оружие. Двумя днями позже к порту подошел испанский франкистский военный корабль и направил свои орудийные батареи на лагерь. Все беженцы попали в руки Франко.

После фильтрации пленных сотни из них были расстреляны. Тысячи попали в концлагеря, где многие погибли от недоедания и из-за плохих условий жизни. Франко смог победить только при помощи Гитлера и Муссолини. Оба диктатора думали, что в предстоящей мировой войне фашистская Испания будет на их стороне. Победа в Испании открывала им дорогу. Через 6 месяцев разразилась Вторая мировая война. Шесть лет спустя диктаторские державы были побеждены. Но Франко, который пришел к власти с их помощью, правит до сих пор (книга была написана в 1955 г. – прим. пер.). Испания стала последним бастионом тоталитаризма на Западе Европы.

Примечания

[1] Автор книги (А.Сухи, – прим. перевод.) после падения Каталонии оказался во Франции и больше не возвращался в Испанию. События в Мадриде и Центральной Испании между 29 января и 30 марта 1939 г. он описывает, опираясь преимущественно на книгу Гарсиа Прадаса.

[2] Содержание этого телефонного разговора передано аутентично. Гарсиа Прадас стоял рядом с Касадо, пока тот разговаривал по телефону. Негрин говорил достаточно громко, и

Прадас мог понять, что тот говорил в трубку. Он записал этот диалог и опубликовал его в книге «Предательство Сталина».

Версия #3

Зверобой создал 11 мая 2025 23:05:12

Зверобой обновил 11 мая 2025 23:11:30